

Источники и литература

1. Оналбаева К.К. Қазіргі қазақ тіліндегі есімді сөйлемдер: автореф.на соискание учё.степени канд.фил.наук: 10.02.02. – Алматы, 2002. –47 с.
2. Марр Н.Л. Историко-грамматические исследования. – М.-Л.: Наука, 1949. –55 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. –337с.
4. Балақаев М., Сайрамбаев Т. Қазіргі қазақ тілі. Синтаксис. – Алматы: Санат, 1997. –131с.
5. Севортян Э.В. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Синтаксис / Под ред. Э.В. Севортяна. – М.: Наука, 1961. – 7 с.
6. Поцелуевский А.П. Избранные труды / Отв. ред. А.А. Курбанов. – Ашхабад: Ылым, 1975. –224с.
7. Балақаев М. Қазіргі қазақ тілі. Сөз тіркесі мен жай сөйлем синтаксисі. – Алматы: Ана тілі, 1992. – 132-136 с.
8. Еликбаев Б. Қазіргі қазақ тіліндегі есімді құрмалас сөйлемдер: автореф.на соискание учё.степени канд.фил.наук: 10.02.02. – Алматы, 2000. – 52 с.

Рецензент: Оказ Л.С., к.ф.н., доц. каф. крымскотатарского языкознания ТНУ им. В.И. Вернадского

Аль-Аббаси Новаль Хейри**УДК 821.112.2****ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ ТВОРЧЕСТВА СТЕФАНА ЦВЕЙГА И ФРАНЦА КАФКИ**

Постановка проблемы. В 1971 году в Азербайджане была опубликована статья В.Гаджиева «Стефан Цвейг». Статья эта была посвящена 90-летию со дня рождения С. Цвейга и, казалось, ничем не отличалась от многочисленных юбилейных статей того времени. Однако, именно с этой статьи начинается продолжающаяся до настоящего времени история освоения и восприятия австрийской литературы в Азербайджане..

Помимо этого, ценность указанной статьи В.Гаджиева в том, что она насыщена глубокими философскими рассуждениями и литературными реминисценциями. После обычного вступления, в котором перечисляются биографические данные и главные этапы творчества Цвейга, автор знакомит читателя с Веной как крупнейшим административным и культурным центром Австрии. Следует учитывать, что в стартовавшем третьем тысячелетии обмен культурными ценностями между Азербайджаном и Австрией вступает в новую фазу. Ширится сотрудничество во многих сферах образования и искусства. Но в самом начале 1970-х годов интеллигенция Азербайджана о творчестве Цвейга была осведомлена крайне слабо (к тому времени ещё не выходили переводы знаменитых новелл на азербайджанский язык), о центре Австро-Венгерской империи рядовым читателям было известно в общих чертах разве что из материалов школьных учебников. Театральный репертуар времени расцвета таланта Цвейга тем более являлся «темным пятном» в Азербайджане. Этот пробел отчасти ликвидирован в указанной статье. В.Гаджиев проводит обзор театральных постановок в Вене, среди которых ведущее место занимали пьесы Гуго фон Гофманшталя, Артура Шницлера, Германа Бара и других, звучали бессмертные мелодии Рихарда Штрауса, произведения игрались под музыку Густава Малерина и Антона Брукнера.

После вступительной части автор переходит к основным темам творчества Цвейга. Думается, что некоторые мысли, высказанные в статье более 38 лет тому назад, не потеряли своей значимости и по сегодняшний день. Например, в Азербайджане ещё нет обстоятельных исследований о периоде начала XX века, когда Цвейг путешествовал по Индии, Китаю и Африке. Вероятнее всего предположить, что и на родине великого австрийского писателя воспринимают более всего как ценителя и продолжателя именно европейских традиций. Поэтому азербайджанскому читателю, знакомому в конце 1960-х годов (через переводный источник на русском языке) с его новеллами, небезынтересно было знать о тех впечатлениях, которые были получены Цвейгом во время пребывания на Востоке (Индия и Китай) и на африканском континенте, о его знакомстве с этим краем, весьма удивившим более ста лет тому назад. У автора даже невольно напрашивалась параллель с известными открытиями Афанасия Никитина, совершившего хождения за три моря в далекую индийскую страну.

Уже к концу 1960-х и началу 1970-х годов в азербайджанской филологической науке был накоплен некоторый опыт в области освещения русско-зарубежных, точнее, русско-европейских связей. Потому вполне логичными выглядят пассажи В.Гаджиева о том, что знакомство Ст. Цвейга с русской передовой общественной мыслью существенно повлияло на его мировоззрение в целом. До памятных встреч с русскими поэтами, писателями и драматургами но, быть может, чересчур смелому заверению автора, Цвейг смотрел на жизнь, «грустным взглядом». Положение коренным образом изменилось после личного знакомства с представителями русской литературной элиты и более глубокого ознакомления с художественными произведениями русских классиков XIX века.

Далее, одним из наиболее значимых разделов анализируемой статьи, существенно расширяющим наше представление об азербайджано-австрийских литературных связях, необходимо считать проведение параллелей между творчеством Генри Ибсена, Джафара Джабарлы и наследием Цвейга. В своё время азербайджанский читатель был прекрасно осведомлён о деятельности выдающегося национального драматурга, его пьесы неоднократно ставились на подмостках столичных театров. Но никто, пожалуй, не высказывал столь смелых суждений относительно тематической и проблемной связях между новеллой

Стефана Цвейга «Страх» и пьесой Дж. Джабарлы «Севиль». Сопоставление Векила Гаджиева в данном случае прозвучало с политическим подтекстом, что с учётом главной идейной направленности указанной новеллы Цвейга тем более актуально и вообще, на наше усмотрение, достаточно резонно.

Вот что конкретно по этому поводу пишет автор статьи: «Как и в пьесе Г. Ибсена «Кукольный дом», и в драме Дж. Джабарлы «Севиль», в новелле Стефана Цвейга «Страх» на женщину психологически давят порочные семейные связи и безграничная власть денег. В пьесе Дж. Джабарлы и австрийского прозаика героини не в состоянии преодолеть мещанской ограниченности, давление среды, в которой они живут. Они всё равно вновь возвращаются в этот адский круг, где находят утешение в покое и покорности» [1].

В заключении отметим: поиск таких литературных параллелей, безусловно, знаменателен. Мост в начале 1970-х годов был наведён, а читателям XXI столетия остаётся надеяться, что другие азербайджанские исследователи творчества Стефана Цвейга в дальнейшем подхватят и сумеют развить те мысли, которые были высказаны в статье Векила Гаджиева.

По прошествии более четверти века азербайджанские учёные вновь вернулись к изучению творческого наследия австрийских учёных. В центре внимания оказался другой замечательный художник слова – Франц Кафка. Среди исследователей, разрабатывающих интересующую нас тему, укажем на профессора Светлану Джебраилову. Одна из последних её монографий «Очерки творчества писателей зарубежной литературы XX века» по существу открывается разделом «Франц Кафка (1883-1924)». Основная идея, проработанная исследователем под адаптированный уровень студенческого восприятия, заключается в сознательном разрушении грани, которая отделяет у австрийского писателя наблюдения над собственной личностью от индивидуальной области искусства. С. А. Джебраилова, в частности констатирует: «Кафка в своих произведениях, несомненно, отталкивался от реальных, жизненных конфликтов, но изображал их не реалистически, придавая им черты вневременности, вечности и сознательно лишал их исторической достоверности, жизненной конкретности» [2,11]. Последующие авторские комментарии раскрывают данное положение и студенты, таким образом, получают более достоверное представление о некоторых тонкостях и нюансах реалистического искусства в целом.

Примечательно, на наш взгляд, и то обстоятельство, что С.А. Джебраилова делает особый упор на психологической стороне творчества Франца Кафки, акцентирует внимание на объективизации австрийским художником слова стихии социального бытия, включая и его личные сопереживания. Под таким углом зрения в первую очередь анализируются новеллы «Приговор», «Превращения» и некоторые другие творения великого писателя. Нами также подмечен следующий научный факт: если Векил Гаджиев в проанализированной статье тщательно подыскивал темы, на основе которых создавал свои новеллы Ст. Цвейг, то С.А. Джебраилова также пытается обозначить ту притчевую художественную форму, которая в свою очередь вызвала к жизни создание того же жанра (то есть новеллы) у Кафки. Они, по мысли учёного, строились как развёрнутые и разветвлённые символы. Читаем: «Первоначальная посылка его притч или новелл (Франца Кафки) всегда обладает видимостью достоверности, будничной простоты. Однако, развиваясь, она видоизменяется, постепенно, настойчиво переводя исходное рациональное суждение в нечто противостоящее разуму...» [2,11].

Завершается раздел исследования актуальным, пожалуй, для любого монографического издания риторическим вопросом: что существенно нового внёс Фр. Кафка в искусство XX столетия? Ответ: «Чрезвычайно острое ощущение трагизма жизни в буржуазном обществе, её неустойчивости, враждебности человеку... Нынешний интерес к Кафке у художников вызван тем, что они решают те же социальные проблемы, которые ставил Кафка, и во многом сходным с ним образом» [2,13].

Новый этап в развитии азербайджано-австрийских литературных связей отмечен уже в XXI столетии. Причём, на более высоком научно-профессиональном уровне по сравнению с относительно небольшим разделом учебного пособия под редакцией проф. С.А. Джебраиловой. Наше внимание привлекли докторская диссертация и учебное пособие Н.Дж. Мамедхановой. Достаточно солидный по объёму и масштабу идейной проблематики раздел диссертации посвящён анализу работ выдающегося австрийского философа Мартина Хайдеггера. Это, в частности такие труды, как «Время картины мира» (1938 г.), «Слова Ницше «Бог мёртв» (1943 г.), «Поворот» (1949 г.) и «Вопрос о технике» (1953 г.).

Общеизвестно, что Хайдеггер известен исключительно философскими работами. Но молодому азербайджанскому учёному удалось обстоятельно обосновать серьёзное, глубокое влияние его идей на западно-европейскую литературу в целом. Так, особо отмечается, что выстроенная Хайдеггером иерархия в пользу трансцендентального мира вечных сущностей задаёт тон всему последующему западно-европейскому рационализму с его акцентом на сущее как таковое и «забвении» бытия в пользу всего сущего. Хайдеггер разгадал, что порочность метафизики не только собственно в «забвении» социального бытия, но и в принципиальной невозможности узреть истину сущего. Метафизика в худшую сторону изменяет существо человека, и метаморфозы приводят к эгоцентризму, антропологизму и как следствие этого, - к самообожествлению.

Всё это, по заверению Н. Мамедхановой, незамедлительно сказывалось в литературе и искусстве. Обретение истины бытия, подчёркивается в указанной диссертации, возможно, по Хайдеггеру, через язык. Вспомним его знаменитые изречения: «Язык – это дом бытия» и «Существо человека покоится в языке». Австрийский философ справедливо критиковал современный неподлинный язык как формализованный, тесно связанный с логикой и грамматикой. В свою очередь он предлагал обрести язык через умение глубоко вслушиваться в произносимое (то есть «слушать бытие»). Это заключается в феноменологической процедуре «внятия» в то, о чём и как говорит язык наедине с самим собой.

Эти суждения оказываются той центральной основой, на которой отчасти базируется актуальность избранной Н. Мамедхановой темы. А для научного исследования, имеющего статус докторской диссертации, это, безусловно, опорное понятие и, образно выражаясь, «дорогостоящее». Действительно, опираясь на мнение Хайдеггера, можно обосновать пути дальнейшего развития некоторых европейских романов. Он подчёркивал, что язык, в котором покоится бытие, это в первую очередь язык поэзии, литературы и искусства. М. Хайдеггер доказывал, как сквозь поэтическое мышление произведения литературы в целом просвечивает «сущность вещи», осуществляется истина бытия как непотаённая. Оказывается, что эта мысль особенно была близка Францу Кафке, а также Ж.-П.Сартру и А.Камю.

Добавим в тему настоящей статьи, что этим аспектом анализ научного наследия М. Хайдеггера Н. Мамедхановой не исчерпывается; продолжается изучение по линии религиозного характера, подводящее к литературной полемике. Так, в работе читаем: «В Европе сложился принципиально новый тип людей творческого склада, которые уверовали в возможность развития литературы и искусства без оглядки на отживающие традиции. В своё время это новое поколение людей, отказавшееся от бога, охарактеризовал Ф.Ницше, выразив их умонастроение единым изречением: «Бог умер». Впоследствии Мартин Хайдеггер расширил эту формулу: «Бог не умер. Он скрылся от людей, а они сами не смогут найти к нему дорогу» [4,41]. Это серьёзное заявление, так как, отталкиваясь от формулы австрийского философа, немецкие и французские романисты середины XX столетия строили свои художественные произведения.

В связи с критическим анализом смежного аспекта в диссертации Н. Мамедхановой литературные архетипы, вызванные Хайдеггером к жизни в художественных образах, получают своё дальнейшее развитие, а именно: «Хайдеггеровское понятие экзистенциальной тоски, подпитывавшее творчество Камю и Сартра, заметно видоизменилось; трансформировались и опорные символы «смятения» и «страха», получившие другие значения и использующиеся в иных контекстах [4,30]. Несмотря на трансформацию хайдеггеровских понятий в литературе и искусстве, осталась, так сказать, его «несущая опора». И в дальнейшем в ходе диссертации подчёркивается тесная философская связь экзистенциалистов-атеистов, к которым себя относил и Хайдеггер, с литературными сентенциями Сартра. Хайдеггера и его последователей в лице других австрийских философов и писателей с Сартром объединяло убеждение в том, что «существование предшествует сущности». Этот постулат хорошо известен даже из лекционного курса по современной западно-европейской литературе, и он означает, что человек сначала существует, появляется в мире, и только потом «определяется» (или самоопределяется).

И, наконец, в 2006 году выходит учебное пособие того же автора, в котором большой раздел посвящён современной литературе Германии. В нём указывается, что после 1945 года из эмиграции вернулись многие немецкие и австрийские писатели-антифашисты, которые во весь голос заговорили у себя на родине. И красной нитью здесь проходит мысль о том, что их творчество с современных позиций надлежит изучать не только в контексте собственно германской или австрийской литературы, но и мирового искусства в целом. По мысли азербайджанского исследователя, проходит «свежая», на наше усмотрение, небезынтересная идея, связующая творчество немецких, австрийских и русских писателей в единое целое по ряду определённых аспектов литературно-философского характера. По этому поводу сказано следующее: «В конце 1950-х - начале 1960-х годов в западноевропейской литературе замечен такой архетипический образ, как «рассерженный молодой человек». Литературное клише оправдывает поведенческие настроения героев. Это своеобразные последователи тургеневских «детей», выступающие против «отцов». Такое умонастроение, заключает автор учебного пособия, витало в воздухе и среди немецкой молодёжи середины XX века [3,131].. С таких позиций рассматривается творчество Арнольда и Стефана Цвейга, Б.Брехта, Э. Вайнерта, А. Зегерс, Л. Франка и других.

Заключение. Итак, выясняется, что труды современных азербайджанских учёных в интересующей нас области разбросаны в печати на протяжении почти столетия. Они малочисленны и скупы, но, вероятно, в этой сжатости и концентрированности, во-первых, новизна исследования, во-вторых, благая потенциальная возможность в деле дальнейшей научной разработки азербайджано-австрийских литературных связей.

Использованная литература

1. Гаджиев, В. Стефан Цвейг [Текст] // газета «Литература и искусство». – 27.11.1971 (на азерб. языке).
2. Джебраилова, С. Очерки творчества писателей зарубежной литературы XX века [Текст]. - Баку: Мутарджим, 1997. - 168 с.
3. Мамедханова, Н. Зарубежная проза II половины XX века. Литература Франции, Великобритании, Германии. Учебное пособие [Текст]. - Баку: БСУ: Китаб Алями, 2006. - 158 с.
4. Мамедханова, Н. Французский роман 70-90-х годов XX века. Поиски новой концепции жизни и героя [Текст]. - Автореферат дисс. ... д-ра филологических наук. - Баку, 2003. - 54 с.